

Соло в два голоса

Мария Протасова, Сергей Протасов

Мария Протасова
Соло в два голоса

«Издательские решения»

Протасова М.

Соло в два голоса / М. Протасова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936157-8

Два голоса, два неба, два начала, Две стороны монеты, два крыла, Два корабля
у одного причала, Два дерева, два сросшихся ствола. Два рукава реки, две
бездны взгляда, В ладонях двух нервущаяся нить, Два Рима падших —
третьего не надо, И третий их не сможет заменить. Две грустные и две благие
вести, Две звёздочки среди полночных льдин, От века порознь и навеки
вместе Два голоса. А кажется — один.

ISBN 978-5-44-936157-8

© Протасова М.
© Издательские решения

Содержание

Выше неба	8
Астроном	8
«Дал человеку Бог талант...»	9
«Ах, что бы там ангелы ваши ни пели...»	10
«Мой человек – он больше, чем рассвет...»	11
«Чего бы жертвы ни были достойны...»	12
Житинскому	13
Рождество	14
Читая «Марию Стюарт»	15
«Вдали от городской жары...»	16
Поэт	17
К.	18
«Она идет ночными переулками...»	19
«Любовь – привычка умирать...»	20
«Человек не становится лучше...»	21
Похоронный блюз	22
«Я люблю эту тень, пробегающую по лицу...»	23
«И потому что Вас мне не обнять...»	24
«Где же живет мое счастье? Нигде...»	25
Путники	26
«По лестницам чутким как лист...»	27
«Мы были – так когда-то скажут ...»	28
Слово	29
«Всё движется, все кружится, бежит...»	30
«Оглушённая счастьем...»	31
«Вместе мы были бы морем...»	32
Бах	33
«Изгиб реки, поселок, пристань...»	34
«Я верю в человека без затей ...»	35
Художник	36
«Снега уйдут, останется земля...»	37
«Когда-нибудь я стану облаками...»	38
Моцарт и Сальери	39
Науму Коржавиу	40
Жаворонок	41
«Когда уходят поезда...»	42
«Свершилось – он ее поцеловал!..»	43
«Блестели виноградные глаза...»	44
13	45
Ромео и Джульетта	46
Любимым	47
«Они не увидятся. Нет...»	49
«Люби зелёного листа...»	50
Переделкино 2	51
«Под звездами и между звезд...»	52
«Окна болят, если долго глядят на луну...»	54

«Здесь мой свитер заношенный колется...»	55
«Полина любила петь...»	56
«Люблю стихи, в которых ток...»	57
На краю	58
«Сторонники мокрой воды...»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Соло в два голоса

Мария Протасова
Сергей Протасов

Дизайнер обложки Джорджо Барбарелли да Кастельфранко Джорджоне

© Мария Протасова, 2018

© Сергей Протасов, 2018

© Джорджо Барбарелли да Кастельфранко Джорджоне, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6157-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выше неба Голос первый

Астроном

Когда подслеповатый звездочёт
Или орлиноглазый звездонечет
Об умерших мирах заводит речи
Меня к живым ещё сильнее влечёт

Пусть на истлевших ниточках веков
Висят миры, но ничего не весят
И золотой топор заносит месяц
Над шеями учёных дураков

Я верю: здесь – под небом – есть места
Где жив ещё огонь благословенный
И черноту бессмысленной вселенной
Я отменяю белизной листа

Я отменяю всё, что не горит
Не светит, не взрывается, не греет
Лишь тот, над кем не знамя – пламя реет
Идёт на смерть и чудеса творит

Танцует ночь над огоньком свечи
Бежит строка по лезвию печали
И вечность на расстроенном рояле
Мотивчик свой заезженный бренчит

«Дал человеку Бог талант...»

Дал человеку Бог талант
А лесу дал зверей
Судьбе – чтобы судьба была —
Дал миллион дверей

Дал небу право вниз смотреть
А всем, кто дышит – ввысь
В одном углу поставил смерть
В другом припрятал мысль

Позволил волку волком выть
К рукам приладил труд
И вольным птицам дал забыть
Что все они умрут

Дал море мачтам корабля
А путнику – дорог
Досталась космосу Земля
Чтоб космос не продрог

Надежду растворил в вине
Любя нас и губя
Всех одарил, и только мне
Не разрешил – тебя.

«Ах, что бы там ангелы ваши ни пели...»

Ах, что бы там ангелы ваши ни пели,
Я пью за наивных, не знающих цели,
За легких, как ветер в руке.

Идущих на свет или просто наощупь,
За всех, заблудившихся в жизни, как в роще,
Припавшей губами к реке.

Я пью за того, кто любил без надежды,
Кто гордо носил шутовские одежды,
За глупый мальчишеский пыл.

За все бесполезные ваши уроки,
За алый румянец и черные строки,
Того, кто посмешищем слыл.

За тех, кто стучался в закрытые двери,
За всех, кто в нелепые рассказы верил,
О клятвах на жаркой крови.

Кто сердце монетой считал неразменной,
И кто – вопреки всякой немощи брэнной —
Умрёт от Великой Любви.

«Мой человек – он больше, чем рассвет...»

Мой человек – он больше, чем рассвет
Когда он входит, исчезают стены
Он носит жизнь не как шепотку лет
А как корону океанской пены

Он скалится на окрики: «Не смей!»
Он любит кровь за звонкий вкус железа
И драку за «Грядущие на смерть
Приветствуют тебя, великий Цезарь!»

Он и в раю идёт против рожна
Любя, слывёт счастливым идиотом
И, в принципе, земля ему нужна
Всего лишь для разбега перед взлётом

В нём всё как бы умножено на сто
В сравненье с нашим лилипутским веком
Он не годится в ангелы. Зато
Живёт и умирает – Человеком.

«Чего бы жертвы ни были достойны...»

Чего бы жертвы ни были достойны
Идя на смерть, откармливая вшей
Любые революции и войны
Кончатся победой торгашей

Не то, чтобы нам духа не хватало
Вздеть пошляков на острие клинка
Но сила закаленного металла
Ничто перед всеильем кошелька

Покуда наша кровь кипит и льется
И раненых уносят на щитах
Любовь и жизнь – все в мире продается
И оседает на чужих счетах

Все наши песни, шпоры и плюмажи
И счастье пить судьбу орущим ртом
И даже то, что вместе в землю ляжем
Они товаром сделают потом

Забыв о горизонте, на котором
Страшнее собирается гроза...
Пусть поле достается мародерам
А нам и неба хватит за глаза

Житинскому

С наивным лицом героя
Проспавшего время «Ч»
Старик собирался в море
И мачту нес на плече

Как штоф тростниковой водки
Была эта ночь бледна
В шершавых ладонях лодки
Покачивалась луна

Не в галстук дело – в галсе
Не в блеске манер – в блесне
Прибой ему улыбался
Пускал пузыри во сне

Он видел в этом покое
Всю жизненную круговерть —
Хорошее и плохое
Труд, женщину, радость, смерть

Всех янки и всех чиканос
И чертов ядерный гриб
Как мир всех нас водит за нос
И всех не пойманных рыб
Подарки судьбы, напасти
Созвездья несказанных слов
Открытые души, пасти
В каждой волне – улов

А в городе Или-Или
Во имя больших идей
Большие умы делили
Имущество и блядей

Концы отдавали в споре
За главное и вообще..

Старик собирался в море
И мачту нес на плече

Рождество

Он был из плоти, он был из крови
Он мёрз – зима
И на младенца сквозь дыры в кровле
Смотрела тьма

Дым над трубою свивался в кольца
Крутил, вертел
Звенели мухи и колокольцы
Не спал вертеп

Не спали люди, трава, деревья,
Речная муть,
И ночь стояла, от удивленья
Забыв уснуть

Блестела в сумраке шея бычьья
Гудела печь
Мир был заношен до неприличья
Валился с плеч

Волхвы талмуды свои листали
Осёл вопил
Судьба чернела над ним крестами
Своих стропил

Казалось, всё ожидало знака
И час настал
Мария пела, архангел плакал
Ребёнок спал.

Читая «Марию Стюарт»

И вот, закрыв последнюю страницу
И очутившись за ее стеной
Я знаю – мир не мог не измениться
После всего, что пережито мной

Я шла на казнь в казенной серой робе
Летела вдаль на боевом коне
Делила ложе с грустным принцем крови
И таяла жемчужиной в вине

Я падала в канавы и объятья
Взмывала ввысь с беспечной стаей птиц
Срывала голос, заговоры, платья
Пред алтарями простиралась ниц

Я помню замков черные стропила
Под желтыми провалами светил
И как кого-то одного любила
А тот – один – одну меня любил

Я знала и губительную славу
И ревности предательскую плоть
И я была самой собой – по праву
Когда меня – по праву – взял Господь
Уж Он-то мне сочувствовал едва ли
Мне – рыжей не сносившей головы
Ведь я – жила, а те, кто убивали —
Те были от рождения мертвы

Я их прощу – от смерти нет урона
Любви – хоть вечно режь ее и рви
Будь проклята кровавая корона
Благословенны клятвы на крови

Благословенны те, кто был безумен
В борьбе за безнадежные дела
Ведь смерть приняв, никто из них не умер
Но в них для вас надежда умерла

Не в Англии, не в книгах я царица —
В сердцах, кипящих кровью голубой
Прощай стена – последняя страница
И здравствуй, Свет, встающий за тобой.

«Вдали от городской жары...»

Вдали от городской жары
От чёрных крыш и шпал
Таскает волны за вихры
Голубоглазый шквал

Насильно строит их в ряды
И гонит на таран
Туда, где в рот набрав воды,
Спит жёлтый океан

Где острова и корабли
Стоят у входа в рай
Где жизнь, шагнув за край земли
Не держится за край

Где спит, пока волна в пути
Всё, что умеет спать
Где больше, чем до девяти
Не принято считать

Где каждый след уйдёт в песок
Где каждый миг – лови
Где все мы лишь на волосок
От смерти и любви

Поэт

Никто. Ни даже просто знак
Того, что быть могло
Не называемый никак —
Не благо и не зло

Не Бог, не человек, не зверь
Ничтожества пример
И как ни взвешивай, ни мерь
Он мельче всяких мер

Звенит, качается как гонг
Пустая голова
И вместо сердца у него
Слова, слова, слова

Но что за радуга поёт
И вслед летит за ним?
Да ну его. Когда умрёт
Тогда и поглядим.

К.

Ты думаешь, что над тобою – флаг?
Да брось, это просто метель!
А то, что кажется битвой, так —
Крестовый поход детей

В тебе и добра, и зла – на пятак
Ты знаешь – молчать верней
А то, что кажется жизнью, так —
Театр чужих теней

И Он – пред которым ты робок и наг
Не верит в твой пьяный хрип
А то, что любовью кажется... так —
Случайной кровати скрип.

«Она идет ночными переулками...»

Она идет ночными переулками
Из маленького пошлого шалманчика
Где потчуют коктейлями и булками
И чувствуют заезжего шарманщика

Она земли и неба не касается
Летит себе – нестрашно и недорого
И много жизни ей еще достанется
Со вкусом обезжиренного творога

Она вдыхает счастье всеми порами
Ей каждое мгновение – как клад еще
Но переулки вьются коридорами
Из колыбели – сквозняком на кладбище

Ах, как она начитана! Как вежлива!
Готова – как в кино – грешить и каяться
А в кабаках накурено по-прежнему
И ничего на свете не меняется

Одна она по-прежнему изменчива
Загадочнее всё и всё желаннее
Не уходи – ты, девочка, ты, женщина,
Старуха. пядь земли. воспоминание...

«Любовь – привычка умирать...»

Любовь – привычка умирать
И душу с пола подбирать
Без кожи быть и без костей
А никакая не постель

Любовь – сгорая от стыда,
Ответить «нет», подумав «да»
И с сердцем вырванным в руках
Оказываться в дураках

Любовь – не сеять и не жать
Убитым на земле лежать
И знать, что это не война
А только он. или она.

«Человек не становится лучше...»

Человек не становится лучше
Человечней, добрее и чище
Человек отучается слушать
И в себе Человека не ищет

Он становится чисто одетым
О добре говорящим за ланчем
И пока поедает котлеты,
Представляет себя настоящим

Человек не становится мудрым
Только легкую ищет дорогу
И однажды октябрьским утром
Безразличным становится Богу

Он живет по привычке, в комфорте
Мир ему не широк и не тесен
А упав, вспоминает о чёрте
Но и черту он не интересен

Похоронный блюз Уистан Хью Оден (перевод)

Пускай молчат часы и телефон
Не лает пес, терзая свой бекон
Пусть спит рояль, литавры не басят
Пусть гроб внесут и певчих пригласят

Пусть воет самолет над головой
Чертя крылом «Он больше не живой»...
Оденьте в траур горлиц почтовых
И в черные перчатки постовых

Он был мой север, юг, закат, восход
Отрада выходных и будней пот
Мой день и ночь, мелодия и бред
И вечная любовь, которой нет

Так выключите звезды в вышине
Отставку дайте солнцу и луне
Пусть море выплеснут, пусть лес лежит в золе —
Ни в чем теперь нет смысла на земле.

«Я люблю эту тень, пробегающую по лицу...»

Я люблю эту тень, пробегающую по лицу
При словах «Извини, ведь я здесь случайно»
Как табличку «Начало» на двери, ведущей к концу
Как икону Спасителя с надписью «Made in China»

Как набрякшие веки глядящихся в небо волн
Пятерней облаков заслоняющих взгляд от солнца
Как царевну-лягушку, не грянувшуюся об пол
От его поцелуев, а выпрыгнувшую в оконце

Как дурную привычку, наплакавшись, напевать —
Будто под нос бубня, расстаешься с нелепой кармой
Как любовь и стихи, на которые всем плевать
И как каменный торт, испеченный Постником с Бармой

Я люблю эту тень – ту, с которой я накоротке
Как аванс слепоты, открывающей двери чуду
И как этот огонь в поднесенной к огню руке...
Как когда-то – тебя. И как больше уже не буду.

«И потому что Вас мне не обнять...»

И потому что Вас мне не обнять
Мне в утешение дано понять —
Как дождь растёт из облака на плечи

Как падает душа – до облаков
И как земля поет – без дураков
И целым стать стремятся части речи

За то, что я вдали от Ваших уст
Мне дан страниц неопалимый хруст
И сердца стук о сомкнутые веки

И жизнь в бреду, пока еще бреду
И счастье первой попадать в беду
И дар входить в одни и те же реки

И оттого, что я для Вас никто
Мне кажется, что лет так – через сто
Вы, взятый в херувимы Безначальным

В какую-нибудь летнюю грозу
Мой силуэт заметите внизу
И на секунду станете печальны

«Где же живет мое счастье? Нигде...»

Где же живет мое счастье? Нигде.
Так называется эта далекая местность
На полпути из Отчаяния в Неизвестность
В тысяче миль от Спокойствия – ближе к Бед

В царстве подстреленных птиц и несбывшихся снов
Там, где у прошлого нет над влюбленными власти
В доме из вздохов, нечаянных взглядов и слов
Там проживает мое невозможное счастье

Учит святых, оставляя следы на воде
Пляшет с чертями и в сны мои входит без стука
Где же живет мое счастье? Да, в общем – нигде
В том-то и штука, о, Господи, в том-то и штука.

Путники

Шли трое по темной аллее
Лишь кошкам и Богу видны
Их лица казались бледнее
Под пристальным взглядом луны

Поклажу несли за плечами
Добычу, а может улов
Молчали, молчали, молчали —
Как будто бежали от слов

Шли, будто бы зная дорогу
По множеству тайных примет
Вот там – за пригорком, по логу —
И ближе на тысячу лет

Смотрели не влево, не вправо
А только на небо и за
Вдали города и заставы
Светились как волчьи глаза

Над ними как флаг развевался
Созвездий мерцающий пар
И каждый из них назывался
Гаспар, Мельхиор, Балтасар
Годами не ели, не спали
Брели, не сминая травы
И млечную книгу читали
На тайных наречьях волхвы

На лицах их трескалась кожа
От странной жары в январе
И ждал их не царь, не вельможа —
Младенец на скотном дворе

Архангел тропюю надмирной
К Нему обещал провести
Хоть золото, ладан и смирну
Они потеряли в пути

Их руки и щеки белели
Луне равнодушной в ответ...
Шли трое по темной аллее
Из черного мира – на Свет

«По лестницам чутким как лист...»

По лестницам чутким как лист
Слонялось бездомное лето
И дул «эвридику» флейтист
По скверному радио где-то

Недаром из кожи он лез —
Давил на лады и на жалость
Чтоб музыка с чистых небес
В чающую бездну спускалась

Туда, где ни пифий, ни фей
Ни сказок с финалом счастливым
Куда если ходит Орфей
То разве с похмелья – за пивом

Где спиртом бодряжат беду
И песни слагают из крика
Где жизни иной, чем в аду
Не хочет сама Эвридика

Где солнце – как смертный обол —
Не слаще чугунного люка
Где тащится время как вол
Под светлую музыку Глюка

«Мы были – так когда-то скажут ...»

Мы были – так когда-то скажут —
Наивнее, чем месяц март
Писали чушь сердечной сажей
В блокнотах и на крышках парт

Мы были щедрыми на зависть
К любой чужой строке – живой
И в души нам стихи врезались
Как птицы в окна головой

Мы были, не были – не важно
Кровава павших листьев лезть
Над белой осенью бумажной
В стране, где мы навечно – есть.

Слово

Оно придет – едва глаза закрою,
Ордой золотоносной, свежей кровью,
Расплатится, как Пушкин при дворе.
Оно войдёт, и будет мрак рассеян,
Пусть над землей в петле парит Есенин,
Листая снег с гравюрами Доре.

Оно придет, хоть будет снова – все
И, начерно весь белый свет рисуя,
С листком случайным сядет у окна
И забубнит, высокий лоб наморща...
Тогда и всеми брошенная роща
Поймёт, что наконец-то не одна.

Оно придет – сквозь души и сквозь двери,
Я правда в это верую – не верю,
Как в Баха и прогулки по Москве.
Оно как Воскресение настанет,
И от его прекрасных очертаний
Забрезжит вечность в смертной голове.

«Всё движется, все кружится, бежит...»

Всё движется, все кружится, бежит
Шатается под нашими ногами
Пестрит хвостами, крыльями, рогами
Свистит, поёт, безмолвствует, дрожит

Всё умирает, оживает вновь
Всё падает, меж звездами мерцает
Гремит костями, латами бряцает
Кровь бередит и проливает кровь

Всё повторяется, всё блещет новизной
Всё обещает, нарушает клятвы
То напролом идет, то на попятный
То вьюгой обернётся, то весной

То пепелит себя в сердечном жаре
То мерзнет посреди словесных льдин...
Жизнь для того, кто любит и любим
Беспечна,
Будто девочка на шаре
Нелепа,
Будто девочка на шаре
Прекрасна,
Будто девочка на шаре —
На шаре, на котором мы – летим...

«Оглушённая счастьем...»

Оглушённая счастьем
Словно пыльным мешком
Я плюю на ненастье
И гуляю пешком

Я свищу без запинки
Потакая плащу
И иду по Ордынке
И немного грущу

То скребу каблуками
Как корвет на мели
То их больно втыкаю
Прямо в сердце земли

И по лужам фигачу
И ору как в лесу
Будто птицу-удачу
Под рубашкой несу

Улететь, развеяться
Как вода на ветру!
Мне всегда будет двадцать
Никогда не умру

«Вместе мы были бы морем...»

Вместе мы были бы морем,
А так – просто соль и вода.
Глупое золото моем
В волнах, где дышит звезда

Вместе мы стали бы счастьем,
А так – пустота до небес.
Гром разбирает на части
Берег, и воздух, и лес.

Вместе мы были бы – былью,
А так – только ложь и блажь.
Скука кудрявой пылью
Лезет на abordаж

Пусть даже у Бога горем
Напившимся из горсти,
Но морем мы были бы – морем.
А будем никем. Прости.

Бах

Нетрезвый ветер шел, сбивая крыши
На жестяные вывески брюзжа
Часов соборных скаредные мыши
Полуночного ждали дележа

Луна скрывала оборот медали
От каждого – будь Ганс он или Жан
И тени сторожей напоминали
Уютные кошмары горожан

А тот, в ком злые звуки рыли норы
Один от лба не отнимал руки
И превращались в ноты кредиторы
Безропотные, будто должники

И становились музыкой поклоны
Униженные просьбы, глупый быт
Вонючие чернила за полкроны
Вливались в фугу, забывая стыд

«Ах, дети! Ах, безмозглые вельможи!
Ах, чертова бутылочка вина!»
Но лез мотив, как волосы из кожи
Сшелушивая с лысин времена
Ещё! Ещё! Пиши! Гони галопом!
Увешай стремянами нотный стан!
Пусть кресла льнут к великосветским жопам
Но ветер оседлает Иоганн!..

«Откройте окна! Да пошире – душно!
Будь проклята бездушная страна!»...
И длится ночь, и жизнь ему послушна
И музыка, и ветер, и луна.

«Изгиб реки, поселок, пристань...»

Изгиб реки, поселок, пристань
Копеечная старина
Здесь за последние лет триста
Не изменилось ни хрена

По вторникам завозят водку
По воскресеньям ходят в храм
И жизнь здесь кажется короткой
Одним столичным докторам

Здесь, невзирая на погоду
По средам толстый пароход
Опять в одну и ту же воду
Зеленой заводи войдет

Здесь лень врывается без стука
Густая, словно русский дух
И спросом пользуется скука —
Как средство лучшее от мух

«Я верю в человека без затей ...»

Я верю в человека без затей —
Семейного, растящего детей
Гораздого на честные уловки

На нем одном и держится земля
Ведь там, где мне мерещится петля
Он видит пользу бельевой веревки

Свободный, как правительство Виши
От вздорного диктаторства души
Он на бумаге выглядит избито

Но в деле он умней таких, как я
И, презирая тайны бытия,
Он постигает парадоксы быта

Ах, как же я завидую ему —
Влачащему набитую суму
За наглухо застегнутые двери!

И вечности, играющей с листа
О том, что жизнь безвидна и пуста
Из за него – безумная – не верю.

Художник

Стул и то, чем на нём сидят,
Кофе убитой ночи,
Мир, где знаешь только себя,
Да и себя – не очень.

Гроб бутерброда, кривой мольберт,
Курево посмолистей,
Шорох деревьев, которых нет,
Листья которых – кисти.

Всё твоё пламя уходит в пар,
Пар – в облака и лужи.
Как эти джунгли и леопард —
Ты никому не нужен.

Ты никому, ни за что, никогда...
Бочкой пустопорожней
Там, за плечами, басит беда,
Ужас стоит таможней.

Вот бы на плаху, на колесо,
А не считать сантимы!
Что, дорогой господин Руссо,
Жизнь проскакала мимо?
Как вам чугунный этот сюртук?
Важный видок совиный?
Чтобы души огонек потух,
Хватит и половины...

Что – умираешь? запил? пропал?
В пепел растратил угли?
К черту всё!.. джунгли и леопард.
Да – леопард и джунгли.

«Снега уйдут, останется земля...»

Снега уйдут, останется земля
Она всегда, в итоге, остается
И закипит под килем корабля
То, что пока еще зимой зовется

И человек уйдёт – настанет срок
И полетит над всем, что он оставил
Как белый ангел между черных строк
Сведенных скучной судорогой правил

Всё для него – вода, душа, полёт,
Всё – высота, течение и воля!
И человека горе не найдет
Как зиму, растворившуюся в море

И человека детством встретят сны
Где живы будут все и все – любимы
Но снег лежит, и зимы холодны
И каждый раз как жизнь неповторимы

«Когда-нибудь я стану облаками...»

Когда-нибудь я стану облаками
И превращусь в холодный белый дым
А после – просто снегом под ногами
Морщинистым, ворчливым и седым

Потом я стану речкой или прудом
И вдаль рванусь в весенней гонке рек
Но человеком я уже не буду
Из облака – какой же человек?

А мой любимый пусть живет и дышит
И различает звуки и цвета
Не ведая, что облако над крышей
Когда-то было облачком у рта.

Моцарт и Сальери

Для золота парчи и кошельков
Поёт труба Сальери золотая
Но спят вповалку пятьдесят веков
Их не тревожит музыка витая

Их не разбудит высохший смычок
Рыдающий над скрипкой, как над гробом
Антонио Сальери – дурачок
При жизни слыл счастливчиком и снобом

Под рейнское звучал и под шабли
И улаживать, и развлекать умея
А мимо проплывали корабли
Под флагом несчастливца Амадея

Их брали боги трепетно за гриф
И проводили пальцами по вантам
И дул концерт, и выносил на риф
И армии сдавались дилетантам

А дурачку казался свет не мил
И быт постыл в роскошном интерьере
Ах, если б друг его не отравил
То был бы жив Антонио Сальери!
И снились ему почести в веках
Как будто он имел над ними силу
И похороны в рваных башмаках
В просторную, но общую могилу

Как корчился под собственной пятой
Как зависти раскачивал качели!
Как плакал он над чёрной пустотой
В фанерном погребке виолончели!

Как был красив – на палубе земли,
В камзоле водевильного злодея!..
А мимо проплывали корабли
Под флагом несчастливца Амадея

Смотри – они как ангелы парят
И солнцем, словно золотом, облиты
Сальери больше нет – он принял яд
А Моцарт жив. И паруса раскрыты.

Науму Коржавиу

Родиться на свет – неоправданный риск
А жить – ошибка вдвойне
Но жил же (и выжил!) святой Франциск
На страшной святой войне

В дырявой рясе на смех ветрам
И ветреницам на смех
Светился лысиной Божий храм
Укутанный в рыбий мех

А рядом – бóсье – шли князя
Раздавшие ленный стыд
И знала знать, что спастись нельзя
Но нищим Господь простит

Он души вынесет из огня
В своих шершавых руках
И вновь надутая чертовня
Останется в дураках

И адское пламя будет опять
Гореть на чьих-то перстнях
Звезда в Вифлееме взойдёт сиять
Младенец всплакнёт в яслях
И станет поленом любой кумир
И слёзы уйдут в песок
Пока Франциску весь этот мир —
Лишь крестик да поясок

И станет горячая кровь бродить
По тропам, разбитым вдрызг,
И каждое утро тебя будить
Будет святой Франциск

Жаворонок

Где бродят тучи-сестры
Пока их дождь не сжёт
Мой жаворонок пёстрый
Полощет свой флажок

Как он выводит dolce
Когда кругом – беда!
Мой серый колокольчик
Из царства Никогда

В пыли он не приучен
Барахтаться у ног
Ему милее тучи
И молнии манок

Лавандой или гарью
Напоены поля
В атаке ль, в арьергарде
Он – всадник короля

Ему нужна победа
Он за страну – горой
«Что ж, что король нас предал —
На то он и король!»
А ветры стонут в страхе
Его на части рвут
«Пусть долго черепахи
Да вороны живут!»

Пусть напоследок пламя
Лишь крылышком мигнет
И радугу над нами
Как душу развернет

«Когда уходят поезда...»

Когда уходят поезда
Из Ниоткуда в Никогда
То им с перрона машут вслед
Никто, Ничто, Никак и Нет

В их черных окнах, как в воде
Плывёт бескрайнее Нигде
И исчезает без следа
В необозримом Никуда

Их гонит грусть во весь опор
Из Неверленда в Невермор
Но некрасива и груба
Их ждет в засаде Несудьба

Она меняет свет на тьму
И Нипочём на Никчему
И гибнут, гибнут поезда
Из Ниоткуда в Никогда...

Но есть Любовь, а значит чудо
Пока сильнее, чем беда
Она берётся Ниоткуда
И не уходит в Никуда
Ей машут вслед густые кроны
И в стекла ей дожди стучат
Летят, летят ее вагоны
Огни её летят, летят...

И мчатся, мчатся поезда
Из Ниоткуда в Навсегда

«Свершилось – он ее поцеловал!..»

Свершилось – он ее поцеловал!
Неважно – где, неважно – кто, впервые
Как будто петли оборвав дверные
К ней Бог вошел и вечность даровал

Над ней уже безумствуют с утра
Ветра и распевают «а капелла»
А после полночь сделалась светла
И сердце к звездам выпрыгнуть хотело

Над нею счастье строит купола
И светлый рай рисует ангел мелом
Но вечность девочке с её земным уделом
Как туфелька хрустальная мала...

«Блестели виноградные глаза...»

Блестели виноградные глаза
И море колыhalось по-верблюжьи
Вытягивалась молнии лоза
До самых звёзд – приветливых и южных

А в трюмах кахетинское вино
Прислушивалось к капельному плясу
И палуба рубилась в домино
С дождем, одетым в выцветшую рясу

Без умолку трещали паруса
Пенька ворчала нудно и визгливо
Блестели виноградные глаза
И спали амфоры – на самом дне залива

Бежала ночь по черной кромке скал
На стайку нот охотилась гитара
И добрый демон – как любви – искал
Погибели, и звал ее: «Тамара»...

13

Тринадцать за столом. Коврига и вино
И мёд луны, сочащийся сквозь ставни
Последний раз им вместе суждено
Собраться за одним столом – на равных

Тринадцать за столом. Их пестует судьба
Один из них предаст, толпа распнёт другого
Ещё один сразит мечом раба
И трижды скажет, что не видел Бога

Ещё один, сомненьями томим
Дерзнет вложить персты в святые раны
И тоже станет свят, и потому – гоним
Ему споют ветра и покорятся страны

Он с посохом уйдет, как десять остальных
Бродить по миру в рубище скитальца
Будить в сердцах любовь и врачевать больных
Все также в раны вкладывая пальцы

А самый молодой из них – стилем
Воздвигнет храм, которого основа
Тот, Кто собрал тринадцать за столом
Но Словом был сперва – в начале было Слово
Ушедший в Рим – другой – на склоне лет
Взяв кисти непослушными руками
Напишет первый поясной портрет
Того, чей след и Свет – за облаками

Но ночь пока – всё сбудется потом
Их ждут кресты, костры, бичи и камни
А эта ночь нежна... Тринадцать за столом.
Вино и хлеб. И лунный мёд сквозь ставни.

Ромео и Джульетта

Верона спит. Ее ночник – луна
Чернее сна лишь шрамы на бумаге
Отяжелев от скуки и вина
Спят удальцы, во сне сжимая шпаги

Верона спит. Но храп похож на стон
Над городом смертельная истома
Свеча коптит. Увял её бутон
Грядет чума на оба ваших дома

Верона спит. И эти двое спят
Покуда автор пишет предисловье
А за строкой столетия летят
И словно вены набухают кровью

Верона спит. Беспечно спит, пока
Далекий бард не воплотил затею
И как кинжал нацелена река
В её почти фарфоровую шею

Верона спит, пока пусты листы
И, кажется, бледны от предвкушенья
Ведь через час сожгут её мосты
И солнце вздернут как сигнал сраженья
И вот тогда сойдутся все концы —
Поэт отступит, дописав посланье
И отдадут безумные отцы
Своих детей невинных на закланье

Очнется яд и закипят клинки
И вздрогнет мир от траурного звона
И смерть как точку на конце строки
Сотрёт любовь... Но – тише! – спит Верона...

Любимым

Всем, поющим во сне
Всем, парящим над заспанным миром
Присягнувшим весне
А не черным декабрьским дырам

Знаменосцам дождей
Триумфаторам радужных арок
Антиподам вождей
Собирателям солнечных марок

Всем, смеющимся влать
Над проделками ямок нащёчных
Получающим власть
Из прозрачных ладоней проточных

Всем, целующим в губы
Своё мимолетное счастье
Разрывающим трубы
Мелодией еле звучащей

Закрывающим ветер
В объятья распахнутых крыльев
Осыпаящим вечер
Волшебной полуденной пылью
Сотрясателям крон
Отрицателям скучного прока
Под ресницами волн
Отыскателям лунного ока

Всем любимцам беды
Утолителям Божьего гнева
Всем, кто выше звезды
И помимо насущного хлеба

Всем скитальцам, всем нищим
Забытым, убитым, пропащим
Всем святым пепелищам
И храмам, покуда стоящим

Проливающим кровь
Затевающим правую битву
Завещаю любовь
И вот эту простую молитву

Нет не эту, а ту

Что безмолвно стоит за словами
И глядит в темноту
И навеки останется с вами...

«Они не увидятся. Нет...»

Они не увидятся. Нет
В трамвайчике красном
Уехал счастливый билет
Напрасно. Напрасно.

Рассыпалось всё, что вовне
На «право» и «лево»
И в каждом отдельном окне
Отдельное небо

Ему не молиться о ней
И свечек не ставить
У длинных вечерних теней
Короткая память

И тычет мизинцем в зенит
Тончайшее скерцо
Трамвайное сердце гремит
Трамвайное сердце

Она его тоже не ждёт
Что может быть проще?
Белесая вечность падёт
На черную площадь
И прочь полетят фонари
И звезды качнутся
И тонкие рельсы вдали
Как руки сплетутся

«Люби зелёного листа...»

«Быв же спрошен фарисеями, когда придёт Царствие Божие, отвечал им: не придёт Царствие Божие приметным образом; и не скажут: „вот оно здесь“ или: „вот там“. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»

(Евангелие от Луки, глава 17, стих 20—21)

Люби зелёного листа
Недорогой покрой
И обещание креста
Под каждую корой

Люби тернистую тропу
Отчаянные дни
И озверелую толпу
Орущую: «Распни!»

Пусть каждый из её числа
Узнает, что любим
Люби ослицу, что везла
Любовь в Иерусалим

Люби терзающих кнутом
И страшной ночи тишь
За то хотя бы, что потом
Мучителей простишь
И ужас бездны ледяной
Под солнцем здешних мест
И крылья за своей спиной
Похожие на крест

Люби, когда любовь уже
Отнимет смертный час
За Царство Божие в душе
Последнего из нас.

Переделкино 2

Шёл по стеклам от стужи
Перезвон темно-синий
И ладони снаружи
К ним прикладывал иней

Все, что под абажуром
Жёлтым светом намокло
Старых кружев ажуром
Налипало на окна

Как дымок сигаретный
Как над чашечкой кофе
Плыл во тьме беспросветной
Чей-то призрачный профиль

И морозная кромка
Отступала от окон
И вплеталась поземка
В заблудившийся локон

И цеплялась беда
За портьерные ткани
И дрожала звезда
Как чайинка в стакане
Будто этой зимой
Подоконник с геранью
Между светом и тьмой
Был единственной гранью

«Под звездами и между звезд...»

Под звездами и между звезд
К неколебимой и летящей
Как мост над пропастью висящей
К земле старинный сад примерз

Его забыли, он забыл
Туда, где память, гвоздь забил
И выжил, что бывает чаще
Не с садом брошенным, а с чашей

И вот земля и сад летят
Их тени настом шелестят
Сплетаются ветра и ветки
И путь им ангелы мостят
А в кронах призраки гостят
И боги оставляют метки

Да что ему – зима и высь
Полярный крест, зеленый мыс
Огонь, мороз обыкновенный
Пока на горле у вселенной
Не ветви высохшие – вены
Как пальцы времени сошлись
Любите мёрзлые стволы
Они – как полные столы
Как страны с джунглями и львами
Ведь там – у них над головами
Плоды становятся словами
И открываются пред вами
И расточаются миры

И вот старинный сад летит
Сквозь холод зла и бездну ночи
Сквозь страшный суд, но, между прочим
Все это саду не вредит

Под звездами и между звезд
Не верь – сады не умирают
Их в рай весенний забирают
Куда метель не долетает
Куда беда пути не знает
И не дотянется мороз

А нашему не убежать
Ему весь век стоять меж нами

И землю круглую корнями
Над черной пропастью держать

«Окна болят, если долго глядят на луну...»

Окна болят, если долго глядят на луну
И заражаются желтым бессмысленным светом
Значит и я на тебя, мон амур, не взгляну
Чтобы поутру опять не проснуться поэтом

Шторы задерну позлей, почернее штормов
Выключу сердце и выдерну грусть из розетки
Спрячусь за стенами старых и пыльных томов
Где на полях еще прежней болезни заметки

Буду слепа, как чугунный плафон фонаря
В час, когда боги рассветный фонарь зажигают
В небе под веками словно над миром паря
Буду смотреть, как любовное облако тает

Пусть этот дождь на другую прольется страну
Каждой хрустальной строкой подтверждая примету —
Если поэты подолгу глядят на луну
То заражаются желтым бессмысленным светом

«Здесь мой свитер заношенный колется...»

Здесь мой свитер заношенный колется
Потому что он дешев и груб
И как в недорисованных комиксах
Облачка вырастают из губ

Здесь зима – до единой детали
И метель в неё мечет ножи
Здесь нас ангелы нарисовали
Да забыли слова приложить

Здесь любовь на заснеженном глобусе
В бессловесной сиреновой мгле
В уходящем трясется автобусе
Что-то пальцем чертя на стекле

«Полина любила петь...»

Полина любила петь
Но музыке не доверяла
Махали дома дверями
Но не могли взлететь

По-летнему – налегке
Как солнце – легко и нежно
И радуга как арпеджио
Раскачивалась в реке

Полина любила петь
И пела поверх прохожих
Печальных и белокожих
В глазах у которых – смерть

Да, нет ничего верней
И вряд ли есть что огромней
Да, музыка вероломна
И всё же – живите с ней!

Поверить в неё, посметь
Вцепиться в неё покрепче
Как веруют крылья в плечи
Зажмурить глаза и – петь!
Пусть будут как кляп ветра
И крыши как крышки гроба
Упряма, высоколоба
Полина поёт с утра

Сегодня весь мир как лист
На голос её наколот,
И кружится в небе город —
Бетонный парашютист

«Люблю стихи, в которых ток...»

Люблю стихи, в которых ток
Где сердце бьется в ребрах строк
Которые для глаз – пиры
В которых бездны и миры

Не те, с которыми грустишь
А за которыми летишь
Для них не книжные шкафы
А жизнь и смерть в конце строфы

Они живут в привычных ямбах
Как живопись в старинных рамах
Но за пределами страниц
Им нет границ

Кружат над нами словно грифы
Из сердца вырывают рифмы
Чтоб мы узнали в каждом слове
Шум вечности и привкус крови

На краю

По сторонам темнеет Русь
Июньский вечер мягче фетра
Смычок вычеркивает грусть
Из затянувшегося ветра

Кренится и трещит костер
Листва свои читает свитки
Над головами трёх сестер
Парят невидимые скрипки

И сад как свадебный альков
Плывет в сиреновой лаванде
И Моцарт в искрах мотыльков
Гуляет по ночной веранде

А в небе – горные миры
Стоит прекрасная погода...
Россия, Моцарт, три сестры,
Июнь семнадцатого года

«Сторонники мокрой воды...»

Сторонники мокрой воды
Синего неба поборники
Апологеты среды
Наступающей после вторника

Фанаты круглой земли
Ревнителю неизбежности
Ах, если бы вы могли
Как я – умереть от нежности!

Чтоб камнем в нее упасть
Но мягко земли коснуться
К её родникам припасть
В её объятьях проснуться

Все ваши шестки и сверчки
Все ваши причины и следствия
Скептические очки
Трагические последствия

Безбрежность жизни пустой
Где целое меньше части
Не стоят самой простой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.